

Александр Анатолий Алексеевич,
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
Псковского государственного
объединенного историко-архитектурного
и художественного музея-заповедника

ПСКОВСКИЙ РЕЗНОЙ ГРЕБЕНЬ (ГРЕБЕНЬ ЧЕРНЯГИНА)

По Западной Европе шел десятый век – самая середина эпохи викингов, того времени, когда скандинавы на своих быстроходных ладьях наводили ужас на всё побережье Балтийского и Северного морей. На Руси, в Киеве, сидели князья из скандинавской по происхождению династии Рюриковичей – Игорь, Ольга, Святослав, Владимир. Во всех крупных городах Руси также было заметно присутствие скандинавов.

Своеобразным символом этого времени является резной роговой гребень с изображением ладьи (ПГОИАХМЗ, отдельный номер 2200). Найден он во время раскопок Н. Н. Чернягина в Пскове в 1936 г. на площадке Крома. Сам же автор раскопок, Н. Н. Чернягин, погиб на фронтах Великой Отечественной войны. В среде специалистов этот гребень так и называют – «гребень Чернягина». (Рис. 1.) Первая публикация автора раскопок – довоенная, вторая – уже посмертная [Чернягин, 1941, с. 30, рис. 9; Чернягин, СА, 1948, № 10].

Рис. 1

Гребень найден в слое X-XIII вв. Близкие формы гребней с высокими спинками дают IX-XI вв. [Кондратьева, 1977, с. 126]. Р. Л. Розенфельдт в своей классификации гребней в таблице помещает псковский гребень в диапазон IX – перв. пол. X вв. [Рыбина, Розенфельдт, 1997, с. 21-22, 259, табл. 13: 11]. Учитывая то обстоятельство, что раннесредневековый Псков возник в диапазоне 920-930-х гг. [Александров, 2001, с. 213], а скорее всего – около 926 г., и до того скандинавских древностей здесь не было, дату псковского гребня можно сузить до второй четверти X в., возможно, ближе к середине века.

Таким образом, наиболее вероятная датировка – перв. пол. и самая середина X в.

Гребень изготовлен из рога лося. Он односторонний, цельный, с высокой резной фигурной спинкой и с отверстием для подвески. Размеры: ширина 5,3 см, высота (с сохранившимися зубцами) 5,9 см. Часть зубцов гребня обломана. Наверху спинки по обеим сторонам – резные головы птиц (видны по три зубца гребня и бородки), это петухи. На местах глаз – сквозные отверстия.

К головкам петухов ниже, в технике глубокой резьбы, «пририсованы» по четыре лапы, так что получились некие фантастические животные: петухи стали четырёхногими.

В центре гребня – схематическое изображение ладьи, также в технике глубокой резьбы. Штевни ладьи с двух сторон высокие, загнуты внутрь. Ладья с таким абрисом корпуса, только с большей детализацией, известна из Спарлезы, более общего абриса ладья – из Старой Уппсалы [Кондратьева, 1977, с. 124, рис. 2, 5]. Мачта с обычным для ладей викингов четырёхугольным парусом, на котором изображены мачта и две косые перекрещивающиеся линии, все вместе образующие знак в виде буквы Ж. По двум сторонам паруса из корпуса судна поднимаются два вертикальных столбика с круглыми утолщениями на конце.

На судне из Гокстада имелись три такие стойки с изогнутой поперечной перекладиной – для укладки шпиртов и натягивания тента: одна на мачт-фишерсе – несъёмная, она сливается с мачтой, и две в носовой и кормовой оконечностях судна – съёмные (обе они и изображены схематично на абрисе судна –

на гребне в проекции сбоку). Нижние концы их крепились на планке у стрингера; четырёхгранные шпоры стоек препятствовали их вращению в местах крепления, так что их проекция сбоку приблизительно так и могла выглядеть. Слева сзади – рулевое весло, там, где ему и положено быть. Головы дракона или иного зверя на носу ладьи нет: при приближении к суше скандинавы снимали их, чтобы не испугать духов земли.

Рисунок хотя и схематичный, но вполне профессиональный. Изображённый корабль – аналог гокстадского, это судно северного типа, боевой скандинавский корабль драккар, «дракон», самое быстроходное судно своего времени [Фиркс, 1982, с. 57, рис. 72; с. 59-60].

На таких ладьях в земли славян приплыли Рюрик, его братья и их дружины. Точно такие же ладьи, отличавшиеся в небольших деталях, были и у балтийских славян. Но предназначались такие боевые ладьи с низким бортом только для каботажных плаваний вдоль берегов. В океан – на пути в Исландию, Гренландию и в Винланд (Американский континент) – скандинавы ходили на других – торговых – судах, они назывались кнорре. На таких торговых судах борта были выше и имелась палуба.

Слева от корабля есть изображение дерева, ветви которого поднимаются вверх. Подобные изображения ладей и деревьев хорошо известны на территории Скандинавии. Наиболее близкая аналогия, приводимая в статье О. А. Кондратьевой, – это ладья с двумя стойками, имеющими завершения с кружками и с точками внутри них. Очень близкое изображение дерева с отогнутыми также кверху ветвями имеется на наскальном рисунке из Лекеберга [Кондратьева, 1977, с. 124, рис. 4]. Но судно здесь раннего типа, а сам рисунок относится к эпохе бронзы. Более точное воспроизведение этого изображения с ладьёй и деревом есть в книге Оскара Альмгрена. Там же есть изображение двух деревьев в ладье из Химмельстадлунда, изображение такого же дерева из Хьюлаторпа, изображение такого же деревца в руке пахаря из Лидслеби – всё это также наскальные рисунки эпохи бронзы [Almgren, 1927, s. 12, fig. 5; s. 17, fig. 11b; s. 98, fig. 63; s. 107, fig. 71]. (Рис. 2.)

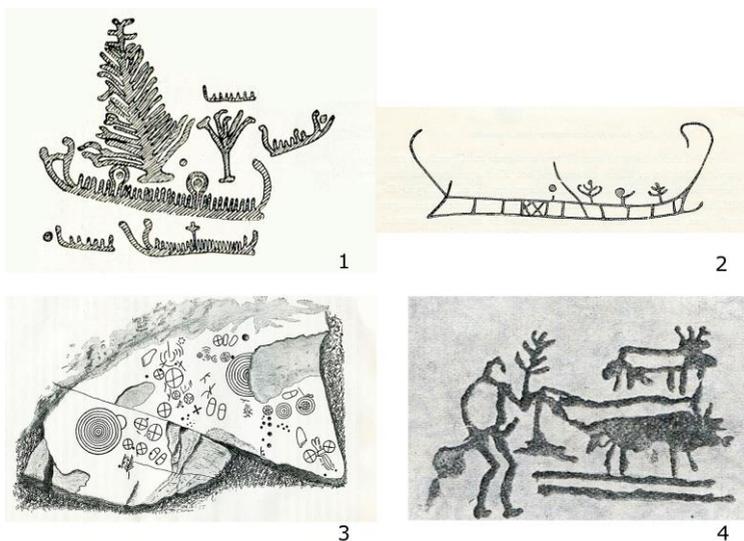

Рис. 2

Изображённое на гребне дерево явно культовое, скорее всего, это мировое дерево скандинавов – ясьень Иггдрасиль, известное по Младшей Эдде [Младшая Эдда, 1970, с. 32-35].

Гребни с высокой спинкой найдены и на Руси, подборка их с зооморфными изображениями и головами водоплавающих птиц по краям приведена О. А. Кондратьевой [Кондратьева, 1981, с. 104, рис. 1; с. 105, рис. 2]. На обоих рисунках видно, что псковский гребень и по форме, и по изображениям стоит особняком. Гребни такой схемы – с высокой спинкой – известны в это время в землях поморских славян. Один такой гребень, также со стилизованными головками петухов по обеим сторонам спинки, найден в землях западных славян – в Волине. (Рис. 3.) Это пока что самая близкая аналогия псковскому гребню [Петрухин, 1996, с. 47; Находки из Волина].

Рис. 3

Он более удлинённый – на нём 43 зубца. Но, главное, на волинском гребне гораздо большая степень стилизации, чем на псковском. Клюв и гребешок петуха здесь показаны прямоугольными выступами, а зубцы гребешка переданы косой штриховкой. Там, где у головок псковских петухов сквозные отверстия, на волинском гребне – два кружка циркульного орнамента. Но самое интересное в том, что ниже головок и спинок со штриховкой на волинском гребне идут две гантелевидные прорези, так что справа и слева от них образуются некие аморфные подобиия ног, и в целом можно увидеть образы неких четвероногих животных с петушиными головами – образ, который и был скопирован на псковском гребне с некого гребня-прототипа, близкого к волинскому. Но скопирован этот образ в другой художественной манере.

Таким образом, псковский гребень находит свою аналогию в земле западных славян, и головы на волинском гребне тоже петушиные. Поэтому любые финские аналогии, приводимые в обеих статьях О. А. Кондратьевой [Кондратьева, 1977, с. 125; 1981, с. 107-108], казалось бы, следует исключить. Для финнов характерен культ водоплавающей птицы, а не петухов. Но есть одно «но» – это сквозные отверстия на месте глаз на псковском гребне. На волинском гребне этой особенности нет. А вот на финских гребнях отверстия на местах глаз на утиных головках есть, и от этой параллели никуда не уйти. По-видимому, первоначально на псковском гребне утиные головки были, и были они с отверстиями в нужных местах, как это видно на заготовке гребня с высокой спинкой из Старой Ладogi [Кондратьева, 1981, с. 105, рис. 2:5]. Поэтому-то и петушиные головки на гребне получились непропорционально маленькие, то есть первоначально это был типичный финский гребень с утиными головками и с отверстиями на местах глаз. Затем гребень попадает в руки второго владельца, славянина, по-видимому, западного, который срезает головы непонятных ему уток и вырезает петушиные головки, хорошо объяснимые исходя из славянской мифологии. Но «родимые пятна» – отверстия вместо глаз – остаются, и с этим ничего не сделать.

По-видимому, гребень первоначально не имел и врезанных изображений ладьи и дерева, а был украшен только рельефными

головками петухов наверху. В таком виде гребень вполне мог висеть на поясе какого-то западного славянина-язычника где-то на южном побережье Балтики или, скорее, здесь, в Пскове, – прототип-то финский! И западнославянская керамика в Пскове есть. Затем гребень попал в третьи руки – в руки трудолюбивого скандинава, тоже язычника. Произошло это во второй трети, но ближе к середине X века (см. ниже), когда начал функционировать дополнительный отрезок «пути из варяг в греки» по р. Нарове, Чудскому и Псковскому озёрам, далее вверх по течению реки Великой и по волокам – на Западную Двину и Днепр. Дата эта установлена по датировкам монетных кладов вдоль водного пути.

Так вот, новый владелец гребня прежде всего в центре спинки гребня, со смещением направо, изобразил то, что было ему особенно дорого и что составляло предмет его гордости – боевой корабль во всех его подробностях, поскольку «корабль – жилище скандинава». Возможно даже, что вырезал он это изображение с натуры: сидел на краю тогдашнего псковского городища, а внизу, у берега, стояло несколько кораблей этой вот схемы. О. А. Кондратьева также отметила, что гребень мог быть изготовлен в Пскове [Кондратьева, 1977, с. 126]. В самом городе Пскове, в слое города и в погребениях, по соответствующим обрядам, довольно обычны находки скандинавских вещей: варяги и их потомки здесь бывали и здесь жили. Есть тут и находки корабельных клинкерных шайб, то есть ладейных заклёпок. Так что скандинавские ладьи здесь определённо проходили и останавливались...

Глубокими линиями изобразив корабль, наш резчик на этом не успокоился и, обладая своеобразным чувством юмора, с помощью точно таких же углублённых линий «пририсовал» петухам по четыре ноги каждому. Аналогии таким зверям я знаю только в фантастико-юмористическом рассказе Вадима Шефнера «Курфюрст Курляндии», по страницам которого бегают четырёхлапые куры. Но приоритет тут, конечно, за резчиком псковского гребня – он воплотил эту идею в резьбе на тысячу лет раньше. Это тем более удивительно, что петухи в X веке были жертвенными животными при языческих обрядах – при погребениях и гаданиях. Но именно в это время и именно в

Скандинавии уже были своеобразные «атеисты», которые верили только в свою силу и в свою удачу, а языческих богов ни во что не ставили. Наш «художник» вполне мог быть из их числа. Кроме того, у него перед глазами явно был некий прототип – гребень типа волинского, который – в силу аморфности изображения – допускал наличие четырёх ног у петуха. А то, что эти ноги к петухам были пририсованы после изображения корабля, явствует из того, что задняя нога правого зверя касается верхнего угла паруса ладьи, чего при обратной очередности нанесения изображений можно было бы легко избежать.

Есть и ещё одна линия аналогий – грифоны. Вполне может быть, что наш художник-резчик был служилым варягом в Византии и изображения крылатых грифонов мог видеть там. Мог он их видеть и в Северном Причерноморье.

На античного грифона четырёхлапые и крылатые звери с гребня совсем не похожи – у крылатого и четырёхлапого грифона голова хищной птицы с загнутым клювом; у нас же – головы петухов, хотя принцип комплектации образа тот же самый.

Традиция изображения грифонов дошла и до Пскова. Из случайных находок, по-видимому, с территории самого города Пскова, происходит бронзовая удлинённая накладка с изображением классического грифона (ПГОИАХМЗ, отдельный номер 2647). (Рис. 4.)

В центр накладки с помощью выпуклого валика вписан квадрат, и в нём – выпуклое изображение грифона, идущего слева направо. Сверху и снизу – два выступа с вогнутыми краями, на которых есть орнамент из загнутых растительных завитков.

Рис. 4

На обороте – два штифта для крепления на органической основе. Выступы слегка отогнуты наружу, а штифты на обороте слегка расходятся. Это значит, что накладку с усилием «отдирали» от основы, где она держалась весьма прочно в период функционирования этой вещи, в процессе чего немного деформировалась. Хотя эта вещь может датироваться и более поздним временем, чем X век, принципиально важно, что такие изображения грифона в Псков могли попадать и попадали и раньше.

Хвост грифона раздвоенный, крыло с детализацией на нём длинных перьев изогнутое, лапы птичьи, длинный клюв на конце слегка отогнут книзу – это клюв хищника. Левая передняя лапа поднята. Лапы – птичьи. Если накладки такого типа достигали Пскова во время резных работ на псковском гребне, то за источником образа можно было и не ехать в Причерноморье или Византию.

Но в отличие от грифонов крыльев у псковских зверей нет. Есть и ещё одно существенное различие: лапы у грифонов изображаются в виде птичьих, тогда как на псковском гребне они круглые, с подушечками, кошачьи.

В более поздней владими́ро-суздальской белокаменной резьбе образ грифона встречается неоднократно. Там у грифонов птичьи лапы. А вот на миниатюре в «Изборнике Святослава» 1076 года у грифона лапы кошачьего типа и даже с изображением коготков, выпущенных из этих лап. (Рис. 5.) На колте XI века из фондов ГИМа у грифона также есть лапы кошачьего типа [Вагнер, 1969, с. 32, рис. 18; с. 36, рис. 19]. (Рис. 6.) Прообраз грифона, стоявшего перед глазами псковского резчика, – второго типа, с кошачьими лапами. Вот только головы – петушиные, их было уже не переделать, и крыльев нет: пространство гребня просто не позволяло их разместить, места для них не нашлось... При этом оба древнерусских изображения-анalogии – ранние, XI века, близкие по времени к датировке псковского гребня.

Затем гребень, по-видимому, переходит в четвёртые руки, и новый владелец совсем тоненькими линиями – совершенно в иной манере – слева от ладьи наносит изображение дерева. А предварительно он отделяет площадь спинки гребня от зубцов

такой же тонкой неровной горизонтальной чертой, из которой дерево и «растёт» вверх. Композиция, конечно, уравновешивается, но техника нанесения линий – горизонтальной черты и дерева – совершенно другая. Судя по поднятым вверх ветвям, это лиственное дерево.

Рис. 5 и 6

Новый владелец гребня, судя по «древу», был богобоязненным скандинавским язычником, придерживавшимся ортодоксальных языческих (эддических) взглядов. Судя по всему, он обладал обширной шевелюрой, о которую и сломал большую часть зубцов гребня. Тут, на Псковском городище, он этот гребень и потерял. Или выбросил. И было отчего: из тридцати зубцов целыми остались только десять. Сейчас – только два.

В общем, скандинавская семантика довольно ясна и круг аналогий определён. Но есть ещё первоначальная – славянская – семантика гребня с его двумя петушиными головками, которая тоже представляет существенный интерес.

В этнографии Чехии известно, что петух и куры считались вещими птицами, а на церквях, часовнях и домах ставились красные или вызолоченные жестяные изображения петухов [Афанасьев, 1994, т. 3, с. 788]. Живые петух, собака и кошка приносились в жертву в русских деревнях для предотвращения чумы у скота; женщину, подозреваемую в колдовстве, зарывали вместе с собакой, чёрной кошкой и петухом; петух, уж, кот и

собака топились вместе с убийцей согласно дополнительным статьям к Судебнику. В русских деревнях был обычай резать в овине петуха 1 ноября. То же было и у соседних народов: литовцы на купальском празднестве славили Ладу и приносили ей в жертву белого петуха. Они же, заканчивая молотьбу, убивали чёрного или белого петуха как жертву овиннику. Гадание с петухом известно в Галиции и Польше. Крестьянки-ижорки близ Петербурга накануне Иванова дня под старой липой при плясках сжигали белого петуха [Афанасьев, 1994, т. 3, с. 523, 524-525, 721, 770, 771, 773]. Петух в преданиях отождествлялся с огнём: если вы скажете, что кому-то «подпустили красного петуха», то вас поймут по всему славянскому миру без переводчиков.

Во многих традициях, в том числе и в славянской, петух отождествляется и с божествами утренней зари и солнца, является проводником солнца, он и сам образ небесного огня – солнца; молнии иногда мыслились в виде петушиного гребешка. Светлый красный петух связывался с огнём и солнцем, чёрный – с подземным царством [Афанасьев, 1994, т. 1, с. 519, 522; Топоров, 1992, с. 309-310]. Крик петуха, по народным убеждениям, отгоняет всякую нечистую силу. Всякого рода поверий, связанных с образом петуха, очень много [Шапарова, 2001, с. 411-412].

Посмотрим, что известно о петухах по источникам. Но все три источника соотносятся опять же с руссами, которые в это время ещё были скандинавами. В то же время, действуя по принципу «в чужой стране – чужие боги», они могли использовать и славянские языческие обряды. Прослеживая обычаи язычников-руссов в X веке, это соображение мы всегда должны иметь «за скобками».

Итак, в середине X века петухи известны как жертвы у купцов-руссов на Днепре, на острове св. Григория с его огромным дубом: «...приносят в жертву живых петухов, укрепляют они и стрелы вокруг [дуба], а другие – кусочки хлеба, мясо и что имеет каждый, как велит их обычай. Бросают они и жребий о петухах: или зарезать их, или съесть, или отпустить живыми» (Константин Багрянородный, 1989, 9, 78 Вв). Предполагается, что жертвоприношение петухов

связано с гаданием руссов о предстоящем плавании [Мельникова, Петрухин, 1989, с. 327-328].

В связи с таким гаданием уместно предположить, что здесь имела место алектриомантия – гадание с помощью петуха, широко известное в античном мире и позднее. Суть его сводилась к тому, что по кругу укреплялись буквы алфавита и перед каждой буквой насыпали зерно. Затем внутрь пускали петуха. Петух «с дивной избирательностью» переходил от одной кучки зерна к другой и клевал его. В порядке очередности из букв, по ходу действий петуха, составлялись слово или слова, дававшие ответ на поставленный вопрос. Такое гадание считалось довольно достоверным [Непомнящий, 2007, с. 58-59]. А то, что петухов было несколько, так и вопросов у руссов тоже могло быть несколько. В этом случае стрелы, наверняка с буквами-рунами, ставились не вокруг дуба, а небольшими кругами, что соответствует источнику. В эпоху викингов существовало два ряда рун – датский и шведско-норвежский, оба по 16 рун [Мельникова, 1977, с. 12, табл. 1]. По-видимому, именно по столько стрел с рунами и – соответственно – кучек с зерном приходилось у руссов на одного петуха на острове св. Григория.

Укреплять же стрелы можно было, только втыкая их в землю наконечниками, а втыкание оружия в землю – это очень древний германский и, затем, скандинавский обычай. Что касается дуба, то это было священное дерево, маркирующее особую сакральность острова (предположительно, это Хортица), что делало гадание в этом месте особенно достоверным. Опять тот же образный ряд: петухи – священное древо (лиственное).

В заключительный период войн Святослава на Дунае после тяжёлой битвы с византийцами руссы занялись погребением своих павших: «И вот, когда наступила ночь и засиял полный круг луны, скифы вышли на равнину и начали подбирать своих мертвецов. Они нагромодили их перед стеной, разложили много костров и сожгли, заколов при этом по обычаю предков множество пленных мужчин и женщин. Совершив эту кровавую жертву, они задушили [несколько] грудных младенцев и петухов, топя их в водах Истра» [Лев Диакон, кн. IX, 6].

У Ахмеда ибн-Фадлана в его описании жертвоприношений умершему руссу, уже находящемуся в ладье, есть упоминание, что после собаки, двух лошадей и двух быков, которых убили и бросили в ладью, «потом доставили петуха и курицу, убили их и оставили в нём [в корабле. – А. А.]». Затем девушка, назначенная в жертву, отрезает голову курице и тоже бросает её в ладью [Ковалевский, 1956, с. 144]. Персидский текст Амина Рази дополняет действия: «...разделив пополам собаку, бросают её внутрь корабля, а также отрезав голову петуху, бросают [его и его голову] справа и слева от корабля» [Рази, 1956, Б-9].

Образ петуха отражается и в глобальной картине славянской мифологии: «Старинные апокрифы говорят о громадном мифическом петухе, поставляя в связи с его пением солнечный восход: "солнце течет на воздухе в день, а ночи по окияну ниско летит не омочась, но токмо трижды омывается в окияне. Глаголет писание: есть кур, ему же глава до небеси, а море до колена; еда-же солнце омывается в кияне, тогда же акиян всколебается и начнут волны кура бити по перью; он же очютив волны и речет кокореку! протолкуется: светодавче Господи! дай же свет миру. Еда-же то вспоет, и тогда вси кури воспоют в един год (час) по всей вселенней". Поверья связывают этот персонаж со Стратим- или Стрефил-птицей:

*Когда Стрефил вострепещется
Во втором часу после полуночи,
Тогда запоют все петухи по всей земли,
Осветится в те поры вся земля...».*

По одному из вариантов, птица эта держит белый свет под правым крылом [Афанасьев, 1994, т. 1, с. 520].

Птица Стратим, или Стрефил, сопоставима с греческим στρουφο-κάμηλος – страус [ДРС, 1958, т. 2, с. 1514] наряду со «строус» – страус, известным по Остромирову евангелию [СДСЯ, СПб., 1899, с. 800], и Науи-птицей в былине [Порфирьев, 1913, с. 59]. Имя же птицы – Науи – соотносится с представлениями о навьях – обитателях иного мира [Александров, 1991, с. 85-89].

В отличие от южного славянского варианта язычества с его мировым древом ясенем и девятым небом, на котором сидит демиург Сварог, здесь картина мира совершенно иная. И это не три кита, плавающих в океане... В океане стоит ВСЕЛЕНСКИЙ ПЕТУХ, который под правым крылом держит «белый свет», то есть ВСЕЛЕННУЮ-ЗЕМЛЮ. Апокриф этот настолько необычен и ни на что не похож, что заставляет подозревать, что это и есть *глобальное мироустройство второго, северного, солярного язычества*. Вселенная же представлялась одним огромным яйцом, где скорлупа – это небо, плевра – облака, белок – вода, желток – земля [Афанасьев, 1994, т. 1, с. 535-536]. То есть вселенский петух держит под правым крылом яйцо-землю. Образ Вселенной в виде яйца с многоуровневыми (42 слоя) внутренними подразделениями хорошо разработан в индийской мифологии [Маковский, 1996, с. 103]. Этот же образ в обобщённом виде встречается и в русских сказках, где золотое, серебряное и медное яйца скрывают в себе государства (Аф., 559).

По славянскому преданию, записанному в Краине, петух участвует в создании мира: «... в давние времена земля была пуста, ничего на ней не было – только камень. Пожалел о том бог, и послал своего петуха, да оплодит он землю. Кочет сел в пещере и снёс чудесное яйцо, из которого истекло семь рек; оне наводнили равнины и вскоре все кругом зазеленело, запестрело цветами и преисполнилось всяких плодов; без забот, счастливо жили в том раю люди. Высоко на небе сидел божий кочет и каждый день возглашал смертным: когда они должны пробуждаться от сна, когда трудиться и когда приступать к трапезе. Непрестанный крик петуха надоел наконец народу; "мы сами знаем, когда и что нам делать!" говорили люди и стали молить бога, чтобы освободил их от беспокойной птицы. И вот божий кочет исчез с неба», порядок нарушился и рай закончился [Афанасьев, 1994, т. 1, с. 531]. Перед нами вполне оригинальная картина петухоуправляемого мира; по-видимому, этот небесный петух и тот, внешний, стоящий в «окияне», – это один и тот же образ.

Итак, мифический образ петуха связан с солнцем. Классическая южнорусская языческая система по своему

устройству близка скандинавской: есть мировое древо ясьень. На седьмом небе в своих палатах сидит верховный бог-созидатель Сварог, или Сварун. Вопросы жизни и судьбы решают в корнях мирового древа три предсказательницы у волшебного источника святой воды [Дерево мира, 1987, с. 184]. Это общество с жёсткой моногамией, установление которой приписывалось Сварогу: «...одному мужу одну жену иметь, а жене за одного мужа выходить, если же кто преступит этот закон, да ввергнут его в печь огненную» [Ипатьевская летопись, 1843, с. 5]. Относительно же племен севера летописец сообщает, что радимичи, вятичи, северяне и кривичи «имеют по две и по три жены...» [Лаврентьевская летопись, вып. 1 // ПСРЛ, т. 1, 1926, стб. 13-14]. То же сообщает о славянах Ибн-Русте: «Если у покойника было три жены...» [Ибн-Русте, 1870, с. 265].

Под несколько другим углом зрения пишет о славянах в 20-х – 50-х гг. X века Аль-Масуди: «Славяне разделяются на многие народы, некоторые из них суть христиане, между ними находятся также язычники, точно так же солнцепоклонники... Большая часть их племен суть язычники, которые сожигают своих мертвецов и поклоняются им» [Аль-Масуди, 1870, с. 129]. Другими словами, есть язычники с их Сварогом и солнцепоклонники – вне зоны юрисдикции Сварога – с многожёнством и солнцепоклонничеством и с неким совершенно другим божеством. Есть все основания связывать эту форму язычества с северной зоной Восточной Европы, где Сварог с его системой был не властен.

С этой системой соотносится бог Род и несколько рожаниц [Рыбаков, 1981, с. 12-15, 445-446]. В северной зоне был также собственный язык – кривичский, или древненовгородский диалект [Зализняк, 1995, с. 46], собственное язычество и другие семейные обычаи. О мифическом устройстве этого северного миропорядка известно только, что «...Род, седе на воздухе мечеть на землю груди и в том рождаются дети», как об этом сообщает текст «О вдуновении духа в человека» [Рыбаков, 1981, с. 449]. Ну, воздух и небо есть в любой языческой системе, а вот подробности этого северного солярного мироустройства, о котором христианский полемист сообщил, что «всем бо есть творец Бог, а не Род», в том же источнике, вполне мог донести

до нас упомянутый выше апокриф. Второе северное язычество – это явление в высшей степени своеобразное, архаичное и не вполне изученное [подробнее см.: Александров, 2010, с. 5-39].

Так вот, согласно Ахмеду ибн-Фадлану, русы на Волге (несомненно, скандинавы по их облику, одежде, обычаям и погребальным обрядам) поклонялись деревянному идолу. У этого идола есть жёны, сыновья и дочери [Ковалевский, 1956, с. 142]. Так что, хотя бы в силу его, идола, многожёнства, верования описываемых источником руссов вписываются только в систему второго славянского язычества. Поэтому бросание двух частей жертвенного петуха по обе стороны корабля означает своеобразное маркирование адреса его назначения – к глобальному петуху второго славянского язычества. И девушка, предназначенная в жертву, в ходе обряда видит знатного русса, к которому её отправляют, сидящим вовсе не в палатах (их в скандинавской мифологии несколько), а в некоем красивом зелёном саду [Ковалевский, 1956, с. 144-145], сведений о котором в скандинавской мифологии нет. А так... обряд сожжения в ладье – вполне скандинавский. Иначе говоря, средства доставки – это одно, а порт прибытия – это совсем другое.

Точно так же гривна с молоточками Тора, надетая на погребальную урну с кальцинированными костями, означает вполне конкретный адрес в потустороннем мире – палаты Тора Бильскирнир [Младшая Эдда, 1970, с. 41]; это павшие герои попадают либо в Валгаллу к Одину, либо в чертог Фрейи Сессрумнир [Младшая Эдда, 1970, с. 44], а кто попроще, те – к Тору... Именно Тор был богом всего народа, а не избранной элиты. Издание же «Старшей Эдды» 1917 года вообще даёт совершенно убийственный по жёсткости перевод; современный, пожалуй, помягче:

*Погибших вождей брал Один в
Валгаллу,
А Торр принимал к себе
мертвых холопов.*

*У Одина – ярлы, павшие в
битвах, –
У Тора – рабы.*

(Сказ о Харбарде, 1917. 24)

(Песнь о Харбарде, 1963. 24)

Конечно, в полемическом запале, в перебранке статус тех, кого брал к себе Тор, – это не обязательно только «холопы» или «рабы», но и не конунги, и не ярлы, а народ попроще и рангом пониже. Павшие воины в статусе свободного бонда, наверняка, шли к народному богу – к Тору.

Так что адреса в языческом потустороннем мире чётко разграничивались. И в чужих землях правили чужие боги со своими собственными системами упорядочивания мира – как верхнего мира и мира людей, так и загробного мира. С их территориальной субординацией и юрисдикцией во всех этих трёх измерениях приходилось считаться.

Аналогия жертвоприношению петуха по ибн-Фадлану есть в мифах Скандинавии: во время путешествия по иному миру воспитанника Одина Хаддинга сопровождавшая его волшебница отделила голову петуху и перекинула птицу через встретившуюся им стену, где петух вновь ожил и закукарекал. Вот как это описывает сам источник:

«Когда они пошли далее, дорогу им преградила стена, к которой им трудно было подобраться или же перелезть через неё. Женщина попробовала перепрыгнуть через неё, но тщетно – ей не удалось этого сделать даже несмотря на своё худое и морщинистое тело; тогда она перебросила через это препятствие отрубленную голову петуха, которого она на всякий случай взяла с собой; птица сразу же ожила и, громко прокукарекав, возвестила о своём возвращении к жизни» [Саксон Грамматик, 2017, 1.8.14]. За этой стеной была вечная жизнь – Хаддинг видел Асгард и Валгаллу, но не был допущен туда живым [Петрухин, 2001, с. 166]. И это полная аналогия к описанию у ибн-Фадлана, только у него петуха и петушиную голову бросают не за стену, а по обе стороны корабля. Он тоже должен ожить, только в ином мифологическом пространстве, в некоем саду бессмертия, соотносимом с тем божеством и его семейным кругом, которому руссы приносили жертвы.

Вернусь к славянам. Такая глобальная система мира с петухом во главе – не самого раннего происхождения. Индоевропейский язык знает кур и петухов, но значение их невелико. Так что образ мира с глобальным петухом во главе мог образоваться уже после распада индоевропейского единства

и распада единого языка на отдельные диалекты и затем – языки [Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 601-602] или быть заимствован со стороны – но откуда?

Приведённый выше апокриф – с одним солнцем, но с древнейших времён существовали представления о системе мира с двумя солнцами. Так, латинский источник III в н. э. описывал гипербореев, живущих по ту сторону Аквилона, то есть к северу от пещеры Геоклитрон («земная дверь»), на южной кромке Рипейских гор (здесь – Среднерусская возвышенность). Из этой пещеры, собственно, и дул северный ветер Борей-Аквилон. А по поводу этого народа отмечено: «...полагают, что он живёт посредине между двумя солнцами: антиподным заходящим и нашим восходящим...» [Солин, 16, 3]. Гораздо раньше – в «Ригведе» – появился такой образ:

*Две стопы оставлены в середине
Единая втайне другая въяве
К единому двоясь следы приводят
Богов дивотворная суть едина*

(Ригведа. Гимн всем богам. 15)

В комментариях указано: «Речь идет о ночном и дневном солнце» [Елизаренкова, 1984, с. 211: 15].

В традиционной культуре петухи соответственно связывались: светлый – с верхним миром и тёмный – с нижним. Соотносились ли они с двумя солнцами, это остаётся неясным.

В некоторых русских деревнях был обычай ставить на князьке кровли деревянных петушков, то есть на концах крыши; поскольку концов было два, то и петухов тоже было два [Афанасьев, 1994, т. 1, с. 519]. Отсюда – прямая параллель к двум симметричным и обращённым наружу головкам петухов на псковском гребне.

Петя-петушок, золотой гребешок (сравни: Гуллинкамби – ниже!) хорошо известен в русских сказках [Аф., 14, 37-39, 63-65, 68, 69, 188]. В немецкой сказке на мировом древе сидят три петуха: медный, серебряный и золотой. Скандинавская Старшая Эдда в «Прорицании вёльвы» также знает трёх петухов: один – отдельно и два – в связи с палатой Одина и с нижним миром:

светло-красный петух с золотым гребнем Гуллинкамби, который в Валгалле будит героев и призывает их на битву, а дилеммой к светло-красному петуху Валгаллы в подземном царстве богини Хель поёт другой петух – чёрно-красного цвета [Афанасьев, 1994, т. 1, с. 525]. Сама же Старшая Эдда сообщает:

*Там сидел на холме
и играл на арфе
страж чудовищных жен,
веселый Эгдир;
Близ него пел
в высоком лесу
Красивый, красный петух,
По имени Фьялар.*

*Сидел на холме,
ударяя по струнам,
хранитель жен йотунов
Эптир веселый
Крикнул Фйалар
в листве над его головой
Красивый петух
Красноперый запел*

*Сидел на холме,
на арфе играл
пастух великании,
Эггдер веселый;
над ним распевал
на деревьях лесных
кочет багряный
по имени Фьялар*

*Пел близ Асов
золотой гребень,
Который и будит героев
в жилище бога брани;
Другой чернокрылый
петух
Пел в глубине земли,
В палатах Гелы.
Глубоко под землею.*

*Закричал у богов
Гуллинкамби
в Валгалле
Тот, что будит
Любимцев властителя
бить.
Но другой кричал
цветом черный петух
В селениях Гелы.*

*Запел над асами
Гуллинкамби,
он будит героев
Отца Дружин;
другой под землей
первому вторит
петух черно-красный
у Хель чертога.*

(перевод Я. К. Грота,
1875, 1897)

(перевод С. Свириденко,
1917)

(перевод А. И. Корсуна,
1963)

(Прорицание вёльвы. 42-43)

Гуллинкамби – это «золотой гребешок» [Стеблин-Каменский, 2005, с. 218].

По тексту прорицания вёльвы, пели два петуха – главных. Третий петух поёт в стороне. Так что эти два основных скандинавских петуха, по Эдде, – верхнего и нижнего миров – без напряжения узнавались любым язычником-скандинавом на славянском гребне и вполне вписывались в систему скандинавской мифологии. Петух же Фьялар принадлежал к среднему миру – миру людей, хотя и находился где-то на задворках обитаемого мира – в земле йотунов-великанов.

Точно так же – обратным порядком – славяне (во всяком случае, поморские западные) вполне узнавали боевую ладью (у

них были точно такие же) и мировое древо ясень (у них на нём находился Сварог).

Сюжет с двойным зеркальным изображением петушиных головок и отверстием для подвешивания между ними находит затем воплощение в бронзовых подвесках у восточных финнов. (Рис. 7.) По Рябининому, это тип VIII, который датируется уже XII-XIII вв. [Рябинин, 1981, с. 13, рис. 3: VIII; с. 23, 105, табл. VIII: 7].

Петух по-псковски – «петун», по-шведски – «tuppen», даже звучит похоже, хотя слова совсем не родственные... Так и с петушиными головками на двух концах псковского гребня...

Рис. 7

ИСТОЧНИКИ

Аль-Масуди. Золотые луга // Гаркави А. Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с половины VII века до конца X века по Р. Х.). СПб., 1870.

Афанасьев А. Н. Народные русские сказки : полн. изд. в одном томе. М. : АЛЬФА-КНИГА, 2008.

Ахмед ибн-Фадлан. Записка // Гаркави А. Я. Указ. соч.

Видение Вала или Вёльвы / пер. Я. К. Грота // Старшая Эдда (Семунда Мудрого). СПб., 1897. (Русская классная библиотека, издаваемая под редакцию А. Н. Чудинова. Серия 2, Классические произведения иностранных литератур в переводах русских писателей ; вып. IV).

Видение Вала (Völu-spa). Эдда Сэмунда Сигфуссона Мудрого / пер. Я. К. Грота // Образцовые произведения скандинавской поэзии в переводах русских писателей, издаваемые под редакцией А. Н. Чудинова. Ч. 1. Воронеж, 1875.

Дерево мира // Славянский фольклор : тексты. М. : Изд-во МГУ, 1987.

Ибн-Русте. Книга драгоценных сокровищ // Гаркави А. Я. Указ. соч.

Извлечения из сочинения Амина Рази «Семь климатов» // Ковалевский А. П. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921-922 г. : статьи, переводы и комментарии. Харьков : Изд-во Харьковского государственного университета, 1956.

Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Т. 2. СПб., 1843.

Ковалевский А. П. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921-922 г. : статьи, переводы и комментарии. Харьков : Изд-во Харьковского государственного университета, 1956.

Константин Багрянородный. Об управлении империей : Текст. Перевод. Комментарий. М. : Наука, 1989.

Лаврентьевская летопись. Вып. 1. Повесть временных лет // ПСРЛ. Т. 1, 1926.

Лев Диакон. История / пер. М. М. Копыленко. М. : Наука, 1988.

Младшая Эдда. Л. : Наука, 1970.

Песнь о Харбарде // Старшая Эдда / пер. с древнеисл. А. И. Корсуна. СПб. : Наука, 1963.

Прорицание вёльвы // Там же.

Прорицание провидицы // Памятники мировой литературы. Народная словесность. Эдда. Т. 1 : Эдда : скандинавский эпос / пер. С. Свириденко [С. А. Свиридовой]. М., 1917.

Ригведа. Гимн всем богам. III, 55 // Да услышат меня земля и небо : из ведийской поэзии. М. : Художественная литература, 1984.

Саксон Грамматик. Деяния данов. Т. 1, кн. I-X. М. : Русская панорама, 2017.

Сказ о Харбарде // Памятники мировой литературы. Народная словесность. Эдда. Т. 1 : Эдда ... 1917.

Солин Гай Юлий. Сборник достопримечательностей // SC. Т. 2 : Латинские писатели. Вып. 2, 1906.

ЛИТЕРАТУРА

Александров А. А. Во времена княгини Ольги : легенды и были о княгине Ольге в Псковской земле. Псков : Псковское возрождение, 2001.

Александров А. А. Навьи // Археология и история Пскова и Псковской земли, 1991 : материалы симпозиума. Псков, 1992.

Александров А. А. Язычество на Северо-Западе Восточной Европы // Псков в отечественной истории : материалы научно-практической конференции, 22-23 ноября 2010 г. Псков, 2010.

Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. Т. 1-3. М. : Индрик, 1994.

Вагнер Г. К. Скульптура Древней Руси. XII век. Владимир. Боголюбово. М. : Искусство, 1969.

Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Т. 2. Тбилиси : Изд-во Тбилисского университета, 1984.

Древнегреческо-русский словарь / сост. И. Х. Дворецкий. Т. 2. М. : Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1958.

Елизаренкова Т. Я. Комментарии // Ригведа. Гимн всем богам. III, 55 // Да услышат меня земля и небо : из ведийской поэзии. М. : Художественная литература, 1984.

Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М. : Школа «Языки русской культуры», 1995.

Кондратьева О. А. Гребень из раскопок Н. Н. Черныгина в Псковском кремле // Проблемы истории и культуры северо-запада РСФСР. Л. : Изд-во ЛГУ, 1977.

Кондратьева О. А. Зооморфные гребни IX-X вв. // КСИА. Вып. 166. М. : Наука, 1981.

Маковский М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках : образ мира и миры образов. М. : Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС, 1996.

Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. Константин Багрянородный. Комментарий // Константин Багрянородный. Об управлении империей : Текст. Перевод. Комментарий. М. : Наука, 1989.

Мельникова Е. А. Скандинавские рунические надписи : Тексты. Перевод. Комментарий. М. : Наука, 1977.

Находки из Волина [Электронный ресурс] // nap1000 // Livejournal. [сайт]. URL: <https://nap1000.livejournal.com/32011.html> (дата обращения: 1.03.2019).

Непомнящий Н. Н. Великая книга пророков. М. : ОЛМА, 2007.

Петрухин В. Я. Мифы древней Скандинавии. М. : Астрель : АСТ, 2001.

Петрухин В. Я. Славяне. М. : Росмэн, 1996.

Порфирьев И. Я. История русской словесности. Ч. 1 : Древний период. Казань, 1913.

Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М. : Наука, 1981.

Рыбина Е. А., Розенфельдт Р. Л. Гребни, расчёски // Древняя Русь. Быт и культура. Археология. М. : Наука, 1997.

Рябинин Е. А. Зооморфные украшения Древней Руси X-XIV вв. // САИ. Вып. Е1-60. Л. : Наука, 1981.

Словарь древнего славянского языка, составленный по Остромирову евангелию. СПб., 1899.

Стеблин-Каменский М. И. Комментарии // Старшая Эдда / пер. с древнеисл. А. И. Корсуна. СПб. : Наука, 2005.

Топоров В. Н. Петух // Мифы народов мира : энциклопедия. М. : Советская энциклопедия, 1992.

Фиркс И. фон. Суда викингов. Л. : Судостроение, 1982.

Чернягин Н. Н. Псков. Кремль // Археологические исследования в РСФСР, 1934-1936 гг. : краткие отчеты и сведения. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1941.

Чернягин Н. Н. Гребень из Псковского городища // СА. 1948. № 10.

Шапарова Н. С. Краткая энциклопедия славянской мифологии. М. : Астрель, 2001.

ЭССЯ. Вып. 7. М. : Наука, 1980.

Almgren O. Hällristningar och kultbrück. Bidrag till belysning av de nordiska bronsåldersristningarnas innebörd. Kungl. vitterhets historie och antikvitets Akademies handlingar 35. Stockholm, 1927.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Аф.	Афанасьев А. Н. Народные русские сказки
ДРС	Древнегреческо-русский словарь
КСИА	Краткие сообщения Института археологии
ЛГУ	Ленинградский государственный университет
ПГОИАХМЗ	Псковский государственный объединённый историко-архитектурный и художественный музей-заповедник
СА	Советская археология
САИ	Свод археологических источников
СДСЯ	Словарь древнего славянского языка, составленный по Остромирову евангелию
ЭССЯ	Этимологический словарь славянских языков
SC	Известия древних писателей, греческих и латинских, о Скифии и Кавказе